

То, что он называет меня сонбэ, ещё полбеда. В мире, где академический элитизм процветает, нет ничего удивительного в том, что любой встречный из той же школы величает друг друга сонбэ и хубэ. Мне это не особенно по душе, но если считать Чхве Чжунхана одним из таких обычных типов, можно стерпеть.

Возможно, он просто соскучился по этому слову — с интернатуры и до сегодняшнего дня он был в Штатах. Но называть меня сонбэ и говорить, что я не изменился, — совсем разные вещи.

Я не мог припомнить такого хубэ, как Чхве Чжунхан, за свои шесть лет в медицинском университете.

В те годы мне и лица однокурсников запомнить было трудно. Я никогда не отличался хорошей памятью на лица, к тому же был погребён под огромным объёмом лекционного материала.

Я начал сближаться с однокурсниками только после того, как закончил ординатуру и пришёл в травматологию уже как специалист. Я посмотрел на Чхве Чжунхана, гадая, что он имел в виду.

Он покраснел и отвёл взгляд. Неловко кашлянул и извинился:

— Простите. Кажется, я сказал что-то лишнее. А, я пойду проверю пациентов.

— Подожд...

Он договорил и убежал. Чхве Чжунхан прошаркал вперёд в одолженных, стоптанных

кроссовках. Пациент вроде не был в критическом состоянии, так что это походило на отговорку.

Я понял, что сказал что-то не то. Надо было спросить: «Мы раньше встречались?» — а не «Мы разве знакомы?» Мне стало неловко, как будто я без причины проявил неуместную ревность.

Профессор Ким, который провёл целый день в изнурительных операциях, даже не думал покидать реанимацию.

Когда я написал дежурному врачу в реанимацию, он ответил через десять минут — прогноз у пациента неважный, так что профессор Ким, скорее всего, проведёт в больнице всю ночь. После четырёх утра в травматологии стало особенно тяжело.

Я зевнул, скрестив руки на груди. Как студент, который не хочет идти на пары, я опёрся подбородком на локоть и задремал.

— Кто-нибудь уже должен был подойти.

Обычно в это время меня кто-то искал — медсестра или ординатор. Я иногда поглядывал на центральный монитор — у пациентов всё было в порядке. Я решил, что если что — меня найдут, и сдался дремоте.

Гул голосов, шум аппаратов, обрывки разговоров между медсёстрами и врачами — всё это словно сливалось в одну гармонию.

Я открыл глаза. Не знаю, сколько я проспал, но очнулся я резко, как студент, которого разбудили на скучной лекции.

Когда я поднял голову, увидел, как медсестра передаёт дежурство ночной смене. Она сдавала дела быстро, словно читала рэп, и её взгляд встретился с моим, когда я окончательно пришёл в себя. Я потянулся. Всё тело затекло от того, что я спал в неудобном кресле.

— Сколько я проспал?

— Около полутора часов.

— Немало.

— Да, немало.

Проспать полтора часа прямо в травматологии, а не в комнате отдыха — это было чудо.

— Ничего не случилось?

— Разумеется.

Пациента с ранением грудной клетки, которого привёз Чхве Чжунхан, прооперировала бригада торакальных хирургов, и сейчас он находился в реанимации. Медсестра покосилась в сторону Чхве Чжунхана, стоявшего в отдалении, и добавила:

— Доктор Чхве сказал, что сам обо всём позаботится, чтобы вы могли поспать.

— Доктор Чхве?

— Да. Сказал, что извиняется за доставленные неудобства. Я боялась, что он будет заносчивым — всё-таки из американской больницы, — а он оказался на удивление милым. Хороший человек.

— Это ещё что значит?

Я буркнул, и медсестра улыбнулась:

— Он ведь из больницы Райдера, да?

В травматологии не было никого, кто не знал бы о прошлом Чхве Чжунхана. С тех пор как подтвердилось, что он придёт к нам, персонал травматологии строил догадки и распускал слухи, даже не видя его в лицо.

В отличие от Кореи, где лишь единицы врачей начинали пробивать путь на этой целине, США были родиной травматологических центров.

Какими жалкими мы, наверное, казались врачу, работавшему в идеально отлаженной системе? Я не мог отрицать, что у меня были похожие мысли. По сути, наверняка так думали все в больнице.

— А вы что думаете, профессор?

— Честно говоря, пока не знаю.

— Я тоже.

В вечно страдающей от нехватки кадров травматологии появление врача, способного работать за двоих, было благом. Но вот впишется ли Чхве Чжунхан — это уже другой вопрос. Я потянулся и встал.

— Посмотрим, как долго он продержится.

Медсестра согласно кивнула. Хотя её смена давно закончилась, она задержалась, чтобы доделать дела.

Я направился в комнату для врачей. Между травматологией и приёмным покоем располагалось большое помещение, похожее на кафедру.

В отличие от закрытой ординаторской, это место было открытым и служило проходным двором, поэтому через него постоянно сновали медики. Соответственно, тамошний народ привык к постоянной суете и почти ни на что не реагировал. Работа в центре неотложки сама по себе делает тебя толстокожим.

В общей ординаторской я встретил Ли Сохи — ординатора третьего года по хирургии, которая сегодня дежурила. Даже будучи главным ординатором, она всё равно брала смены в неотложке. Как бывший выпускник хирургии, я ценил её за это.

— А где доктор Нам?

— Дома.

— Наконец-то ушёл.

Я безмолвно пожелал доктору Наму насладиться хотя бы недолгой передышкой за стенами больницы.

— Не знаете, где профессор Ким?

— Наверное, просматривает истории болезней внутри.

— Я его не вижу.

— А... да.

Доктор Ли удивлённо посмотрела на меня, не зная, что сказать. Её взгляд скользнул по интерну Чону. Я думал, он временно подменяет коллегу, но, похоже, он сменил смену окончательно.

— Он что, безотказный?

Интерн в травматологии считался одной из самых тяжёлых должностей — сразу после хирургии и неотложки. Я не мог вникать в положение каждого интерна. За столько лет в больнице у меня выработалась железная установка: если интерн справляется со своей работой — неважно, кто он.

Взгляд доктора Ли подстегнул доктора Чона выступить вперёд.

— Я найду его и приведу...

— Не надо, время есть. Я сам схожу.

Услышав мои слова, доктор Ли кивнула доктору Чону — мол, отойди. Вместо этого она окинула меня взглядом с ног до головы, отмечая мой помятый халат.

— Доктор, принесите два чистых халата. Для профессора.

— Понял.

Доктор Чон развернулся и пошёл в другую сторону. Я покинул ординаторскую и вернулся в травматологию. Не привыкнув ещё к больничной системе, Чхве Чжунхан сновал по отделению, как солдат, которого сюда прикомандировали. Хотя для солдата он был слишком высокого звания.

Чхве Чжунхан был усердным офицером — вызывался делать даже то, что должны были делать ординаторы.

Я подошёл к нему, прихватив с собой освободившегося ординатора. Чхве Чжунхан переводил взгляд с меня на пациента, которому собирался накладывать швы. Рана была от большого куска стекла, были видны сухожилия.

Я кивнул на стоявшего рядом ординатора. Чхве Чжунхан снял перчатки и поднялся.

— Вас осмотрит этот доктор.

Пациент нехотя кивнул. Я легонько толкнул ординатора носком ботинка. Он вытянулся по

стойке смирно и занял место Чхве Чжунхана.

— Профессора Кима не видели?

— Не знаю.

Чхве Чжунхан пожал плечами — понятия не имеет. Как раз в этот момент в инвалидной коляске вкатили мужчину с окровавленным лбом. Я схватил Чхве Чжунхана за шею, чтобы он не бросился туда. Он замер. К пациенту уже подошли ординатор, интерн и медсестра.

Я понял, что ошибся в Чхве Чжунхане. Он был не солдатом, оставленным на передовой, — он был мотыльком, летящим на поле боя.

— Иди за мной. Не отвлекайся.

Но даже тогда взгляд Чхве Чжунхана был прикован к пациенту. Он вслушивался в разговор больного с медиками и переключился на меня, только убедившись, что с тем всё в порядке. Я спросил у медсестёр, где профессор Ким.

Когда я отдернул шторку в углу процедурной, за ней оказался профессор Ким, осматривающий другого пациента.

Это была молодая женщина лет двадцати с небольшим, аккуратно одетая в чёрную униформу повара. Похоже, она пришла в больницу из-за пореза, который никак не переставал

кровоточить. Я высунул голову из-за шторы и велел интерну привести из ординаторской хирурга. Через несколько минут прибежал доктор второго года.

— Профессор, в чём дело?

Внезапное нашествие врачей заставило молодого повара настороженно смотреть на нас. Ей сказали, что руку просто зашьют, но внезапное появление стольких докторов заставило её думать, что всё гораздо серьезнее. Я спокойно объяснил от лица профессора Кима, что это не так:

— Пациентка, у профессора другие дела, так что этот доктор хорошо о вас позаботится. Правда ведь?

— Разумеется.

Я многозначительно посмотрел на него — мол, не подведи. Профессор Ким встал. Ординатор уселся на его место, а мы, задержав шторы, отошли в сторону. Я скрестил руки и с упреком посмотрел на профессора.

— Ну серьезно, как вы не удержитесь?

Травматология ничем не отличалась от поля боя, где свистят невидимые пули. Важно было вовремя отражать удары, но я считал, что у каждого должна быть своя зона ответственности.

То, что швы наложит сам профессор, было бы замечательно для женщины, но её состояние не было настолько серьёзным. Присланный вместо профессора хирург отлично владел техникой наложения швов.

Профессор Ким усмехнулся, слушая моё ворчание. В больнице было немало святых — и он был одним из них.

— Я бы быстро управился. Кстати, редко вижу вас двоих вместе.

— Да уж.

Я толкнул локтем рассеянного Чхве Чжунхана. Надеялся, что он хотя бы ответит профессору, но он молчал. Беспокойный тип.

Профессора Кима это, похоже, не смущало. Он просто был благодарен, что Чхве Чжунхан приехал сюда после двенадцатичасового перелёта. Мы направились в ординаторскую, будто по команде.

Как раз кстати в травматологию подошла хирург-травматолог Юн Сеён. Сверившись с часами, она убедилась, что почти время обходов, и слегка поклонилась.

Руководство травматологией перешло к Юн Сеён, пока мы проводили обход. Это был момент, когда главы травматологии, включая Чхве Чжунхана, собрались вместе. Профессор Ким заговорил:

— Детально обсудим после обхода.

Речь шла о Чхе Чжунхане.

— Понял.

Я снова ответил вместо самого заинтересованного лица — Чхе Чжунхана. Моё раздражение достигло предела. Я не был уверен, что смогу ужиться с этим парнем.

<http://bllate.org/book/20325/2083233>